

Сергей Юрьевич
Буянов

730 дней в сапогах

«Служи по Уставу, завоюешь
честь и славу!»

Сергей Буянов

**730 дней в сапогах.
«Служи по Уставу,
завоюешь честь и славу!»**

«Издательские решения»

Буянов С.

730 дней в сапогах. «Служи по Уставу, завоюешь честь и славу!» /
С. Буянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740014-9

Куча армейских приколов в чёрной огранке. Не хвалебная, но и не разрушающая повесть о буднях советской армии в период перестройки. Ломался уклад жизни на гражданке — менялись неписанные законы армии. Что происходило в армии и происходит по нынешний день. Почему пацаны бояться идти в армию, стараясь отмазаться от службы? Так ли страшен чёрт, как его малюют? В любой жизненной ситуации можно найти выход. Если наблюдать за происходящим с юмором, можно понять, что служба не так ужасна.

ISBN 978-5-44-740014-9

© Буянов С.
© Издательские решения

Содержание

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ	6
ЗДРАВСТВУЙ, АРМИЯ!	11
ГОРДОСТЬ И ОПОРА УЧЕБКИ	16
«ХОРОШ В СТРОЮ – СИЛЁН В БОЮ!»	22
ЛЁХА ТАЛЬЯНКИН – ИЗМЕННИК РОДИНЫ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**730 дней в сапогах
«Служи по Уставу,
завоеешь честь и славу!»**

Сергей Буянов

«Служи по Уставу – завоеешь честь и славу!»

© Сергей Буянов, 2018

ISBN 978-5-4474-0014-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Испокон веков понедельник в России считался днём тяжёлым. Крепостным крестьянам он сулил мочёные розги, ибо наказания за все провинности прошедшей недели откладывались на начало недели следующей. И ныне понедельник предвещает тяжёлую рабочую неделю.

Недаром в большинстве стран неделя начинается с воскресенья – дня солнечного и приветливого. Только после *soon day* наступает *moon day* – день лунный, сумрачный и блеклый.

Понедельник, 11 апреля, полностью оправдал самые неприятные ожидания. Лёха получил повестку. Ту самую казённую бумажку, где на жёлтом фоне официально предписывалось ему – Алексею Петровичу Тальянкину – явиться на призывной пункт для медицинского освидетельствования «на предмет годности к строевой службе».

«Прибыть по указанному адресу не позднее 10.00, подстриженным под машинку и одетым в чистое нижнее бельё», – указывалось размашистой припиской от руки.

Лёха ждал эту повестку, но в самом потаённом уголке его души теплилась надежда: "Вдруг забудут?" Не забыли. После провала вступительных экзаменов на юрфак Тальянкин совсем было отчаялся. Но прочёл в местной газетке объявление о наборе учащихся в СПТУ. Руководство заведения гарантировало отсрочку от службы в армии. Это было как раз кстати, судьба давала ещё один шанс! Алексей Тальянкин стал учащимся теплотехнического «ликбеза». Осенний призыв не затронул Тальянкина.

По весне вышел приказ министра обороны, отменяющий всякие отсрочки-проволочки. Все лица, достигшие призывного возраста, независимо от их образования, подлежали немедленному призыву с ряды советской армии. Наступили времена, когда подросли «дети неродившихся детей». Великая отечественная унесла жизни мужчин не успевших стать дедушками.

Руководство СПТУ, не сумевшее сдержать обещания, пошло-таки навстречу учащимся и выдало призывникам досрочные дипломы «гегемонов».

Получил повестку и Кирюха, парень с лёхиного двора. Для него это было не впервые, только благодаря всевозможным «случайностям» Кирюха никак не попадал в армию.

– Ты бы уже два раза отслужил, – говорили ему сверстники, вернувшиеся на гражданку. – Смотри, Кирюха, всю жизнь не прокосишь!

Кирюха в ответ ухмылялся и дружеским советам не внимал. Но в эту весну тучи сгустились капитально. Похоже, в армию попадут все. За исключением, разве что, безвременно почивших. Да и те, считал Кирюха, получают отсрочку ненадолго. Улыбка исчезла с его лица.

Волна весеннего призыва захватила страну. Со всех уголков необъятной Родины мчались на призывные пункты военнотруженики-покупатели из разных родов войск. Расторопно, по-военному, развернули деятельность неумолимые военкомы: задыхались в ворохе бумаг бесстрастные доктора приёмных комиссий, бойко печатали бесконечные приказы туповатые машинистки в военной униформе. Огромный маховик, подминающий 18-ти летних подростков, с каждым днём набирал обороты. Годными к строевой оказывались: сердечники и язвенники, алкоголики и олигофрены, страдающие плоскостопием и недержанием, тугоухие и слепые, баптисты и пацифисты, передовики производства и бывшие уголовники, – все классы, слои и прослойки монолитно-единодушного общества.

Рассудив, что на следующий день после повестки не забирают, Лёха не стал бриться наголо. Он зашёл в парикмахерскую и обкорнался «под расчёску» – коротко, но не совсем на лысо. Затем, осторожно переступая тёмно-серые лужи с большими пятнами мазута, Тальянкин пробирался к призывному пункту. Зайдя во двор за зелёным забором, окружающим скучновато-серое одноэтажное здание, он слился в толпой возбуждённых рекрутов.

Точно в 10.00 на крыльце ГВК нарисовался прапорщик Кондрат. Над входными дверьми была приколочена жестяная красная звезда. Как в дополнение к ней появились будёновские усы помвоенкома.

– Товарищи будущие солдаты! – громким голосом сообщил прапорщик. – Сегодня вы пройдёте, мать-её-так, первый этап!

Толпа прислушалась.

– Городская призывная комиссия! – как на демонстрации проскандировал Кондрат. – Имеющие в руках повестки на десять ноль-ноль, два шага вперёд!

Призывники, хихикая и расталкивая друг друга локтями, двинулись к крыльцу. Почти у всех на повестке обозначалось искомое время, и каждому хотелось поскорее пройти «мать-её-так, первый этап».

Жизнерадостное лицо прапорщика Кондрата, побагровев, превратилось в свирепую харю с раздувающимися ноздрями.

– Мать вашу раз-эдак! – заорал он, вращая красными от прилившей крови глазами. – Бараны! Построиться в две шеренги! И не курить в строю!

Побросав бычки под ноги, разношёрстная публика нестройными рядами растянулась на десятки метров.

– Сено, солома! – рявкнул Кондрат. – А ну-ка, два шага вперёд, вышеназванные разгильдяи!

Среди вышеназванных разгильдяев оказались и Лёха с Кирюхой.

– Теперь по одному вызывать будет, – шепнул Кирюха. – Застегни все пуговицы!

Лёха не успел спросить, зачем – первым вызвали Кирюху. Он обречённо поднялся на крыльцо и в сопровождении Кондрата вошёл внутрь военкомата. У входа появилась худющая военнотружущая с крючковатым носом, усеянным угрями в различной стадии созревания. Прыщи придавали её физиономии сходство с маковой баранкой обрызганной клюквенным морсом.

– Тальянкин! – необычайно низким голосом зачитала она, спустя некоторое время.

Лёха вышел из строя и неспешной походкой зашагал к крыльцу.

– Быстрее нельзя? – прохрипела выдра. – Ничего, там научат!

За порогом стоял Кондрат, упираясь руками в бёдра. Похоже, к нему возвратился жизнерадостный настрой. В конце коридора на деревянной скамейке сидел Кирюха. Он с полным безразличием рассматривал засаленные плакатики по гражданской обороне.

– Этот по Уставу идёт, хотя и хитрожопый. – заметил прапорщик. Он указал Лёхе на противоположную от Кирюхи скамейку.

Будущие солдаты мгновенно заполнили узенький коридорчик. Последним появился долговязый паренёк в очках с роговой оправой. Ссутулившись, он стоял в обшарпанном дверном проёме. Его жидкие тёмные волосы спадали до плеч, а джинсовая курточка была застёгнута на две нижние пуговицы.

– Вот и самый хитрожопый заявился! – со зловещей радостью объявил Кондрат. – Ты повестку читал, сучий потрох?

– Вот она, пожалуйста, – пролепетал длинноногий, показывая прапорщику смятый клочок бумаги.

– Тебя, ублюдка, не просят показывать, а спрашивают! Читал?

– Кажись, читал, – долговязый преданно посмотрел в глаза командиру.

Призывники разом повернули лысые головы к прапорщику.

– Во, тормоз! – раздался чей-то голос.

– Я, спрашиваю, тебя, недоносок, – печатая слова, произнёс Кондрат, – читал ли ты, что я, для таких тупорылых, написал на повестке?

– Не знаю, где читать, – промямлил долговязый, разглядывая повестку.

– Там написано, чтобы ты, хрен моржовый, «под ноль» пришёл!

– Это куда? Объясните, пожалуйста.

В глубине коридора раздались несмелые смешки.

– Что там за смехаёчки? – Кондрат оглядел толпу рекрутов. – А это значит, что ты должен быть лысым, как жопа бегемота! И застёгнутым наглухо, понял?

– Да. Извините, пожалуйста, не сразу понял вас, – патлатый призывник провёл дрожащей ладонью по шевелюре и принялся спешно застёгиваться.

– Вот так! – одобрительно хмыкнул Кондрат и внезапным отработанным приёмом дёрнул за полы модную курточку. Металлические пуговицы со стуком покатались по полу. Поправив очки, призывник опустил на колени и начал собирать пуговицы с выбитыми буквами Montana. В кучке призывников нарастал сдавленный смех.

– Извините, пожалуйста, я тут приберу немножко.

Смех набирал обороты. Кондрат, чувствуя, что теряет контроль над рекрутами, окончательно рассвирепел.

Когда кованые сапоги Кондрата втапывали алюминиевые пуговицы в деревянный пол, никто не смог удержаться от гогота. Самые угрюмые, глядя на недоумевающую физиономию долговязого, заржали во весь голос.

Кирюха заливаясь безудержным смехом, откинулся на стенку затылком. Руками он держался за живот. По его примеру гоготала добрая половина призыва. Иные, как Лёха, хохотали взахлёб, согнувшись в три погибели.

– Отставить! – диким голосом прокричал Кондрат. – Кто хочет на его место?

На место пострадавшего никто не претендовал. Вмиг возникла испуганная тишина.

– Тебе эта одёжка больше не пригодиться, – утешил Кондрат. – Садись на эту лавку с хитрожопыми!

Долговязый присел на скамейку, куда первым попал Лёха.

– Так! Всем получить лист обхода врачей! – скомандовал прапорщик. – А вам, хитрожопые, прямиком к нашему парикмахеру! Не хотели подстричься за десять копеек, ставьте по рублю на стол!

В отдельной комнатёнке стоял обглоданный деревянный стул. Он жалобно заскрипел под весом Лёхи. Парикмахер с лиловым носом прошёлся по стриженному черепу Лёхи, затем выразительно глянул на стол. Там в беспорядке валялись драные и мятые рубли. Лёха, усмехаясь, аккуратно поставил свёрнутую в трубочку купюру на центр стола.

Тем временем раздетые до плавок призывники поочерёдно заходили в кабинеты специалистов с обходными листами в руках. Пока доктор осматривал одного, двое-трое в нерешительности топтались у порога.

Лёха вошёл в кабинет, где не было очереди. Он оказался у окулиста. Толстая женщина с внушительным бюстом, распирающим пуговицы белого халата, строго взглянула на Лёху.

– Зрение какое? – спросила она, не глядя на обследуемого.

– Минус два с половиной.

– На оба?

– На оба.

подавляя зевот, докторша заглянула в какие-то инструкции и написала «годен».

Ничего другого Лёха и не ожидал.

В кабинете хирурга толпилось семеро призывников. Среди них был Кирюха. Здесь же оказался уже обритый долговязый, фамилия которого оказалась под стать владельцу – Дюдюсь!

К хирургу, сухощавой женщине, подходили по одному без плавок.

– Показывай яйца, – буднично говорила она, сидя за столом в двух метрах от пациента. Мельком глянув на парные органы, командовала: – Кругом! Наклонись, растяни ягодички!

Никаких лишних слов и замечаний. Только единожды докторша задала вопрос.

– Ты газетами пользуешься?

– Не-не, доктор, я радио слушаю, – скороговоркой ответил перепуганный призывник.

Пацаны громко расхохотались. На их счастье, Кондрата тут не было. Медики же, реагировали скучаяще устало.

Лёха прошёл осмотр хирурга, оделся и заметил Дюдюся. Смущённый призывник переминался с ноги на ногу, держа огромные ладони на промежности. Заметила его и молоденькая медсестра. Медичка подошла к призывнику и, приветливо улыбаясь, довольно громко шепнула ему на ухо:

– Помочи головку, упадёт!

Ещё больше сконфузившись, Дюдюся на негнущихся ногах пробрался к раковине. Не отнимая одной руки от промежности, он снял очки и включил воду. Оглянувшись, Дюдюся опустил под струю свежесбриту продолговатую голову.

Все засмеялись. Дюдюся обернулся. По-прежнему прикрывая срам ладонями, он хлопал глазами и улыбался.

Хирург оторвала взгляд от многочисленных бумаг. Она сразу определила причину смеха: у призывника эрекция. Что ж, дело поправимое.

– Вон, стакан с водой! – врач указала пальцем на тумбочку и вновь уткнулась в кучу формуляров.

Дюдюся понял, что медсестра подшутила над ним. Он благодарно улыбнулся врачу, подошёл к тумбочке. Взяв стакан, собрался с духом и залпом проглотил сто пятьдесят граммов мутноватой жидкости.

И тут Лёха, что называется, выпал в осадок. Лёжа на спине, он содрогался от хохота. Кирюха стоял на коленях, заходясь безудержным смехом.

Вновь зашедшие призывники не знали причину веселья, но, посмотрев на заливающихся Кирюху с Лёхой и сконфуженного Дюдюся с пустым стаканом, поддались заразительному смеху. Некое подобие улыбки коснулось иссушенных губ хирурга.

– Набери воды в стакан и поставь, где взял, – сказала докторша, вызвав взрыв хохота. «Счастливы» пользовавшиеся этим стаканом с водой, досмеялись до слёз.

Психиатр принимал строго по одному. Кирюха решил использовать последнюю надежду.

– Кир Панкратов, – прочитал психиатр и безо всякого перерыва выкрикнул: – Дважды два?

– Сорок восемь! – сказал Кирюха, дёрнув плечами.

– Чем отличается самолёт от птицы?

– Чешуёй! – сказал Кирюха, тупо уставившись в переносье врача. В листе годности рядового Панкратова психиатр зачеркнул Морфлот и ВВС.

– Любишь работать?

– От работы кони дохнут!

Доктор зачеркнул стройбат.

– Ладонки потеют?

– Когда ссать хочу.

Врач погладил лысую макушку и зачеркнул зачем-то войска связи.

– Любишь собак?

– Исключительно в жареном виде.

– Бензин нюхаешь?

– Предпочитаю дихлофос!

– Высоты боишься?

– Лучше нет красоты, чем...

– Можешь не продолжать, свободен!

Доктор вручил Кирюхе серую бумагу с зачёркнутыми наискось: Морфлотом и ВВС, стройбатом и автобатом, химическими, ракетными и пограничными войсками. В самом конце списка обозначалось жирными буквами «годен».

– К чему? – спросил Кирюха, продолжая дурачиться.

– К строевой службе, – ответил проникательный доктор. – Следующий!

Лёха проскочил «психа» быстрее всех, без труда вспомнив произведение семь на восемь.

Расстроенный Кирюха задержался у терапевта. Молоденькая выпускница медицинского внимательно изучала список диагнозов призывника и никак не могла взять в толк: «Как этот трижды покойник добрался до призывной комиссии?» Позвонив коллегам, она посмотрела в формуляр допустимых заболеваний на текущий призыв. Кирюха с замирающим сердцем ожидал вердикта. Терапевт, не глядя ему в глаза, подписала листок осмотра.

Годен.

Кирюха подавил в себе дрожь. Приговор был оглашён и обжалованию не подлежал. Как служить с сопляками, когда деды советской армии моложе его на четыре года?! Оставалась крохотная надежда на областную комиссию, до которой Кирюху с его букетом заболеваний в прошлые годы не допускали.

После обеденного перерыва в тот же день, теми же специалистами и в том же здании, под руководством того же прапорщика Кондрата, – прошла областная призывная комиссия. Для уставших, измотанных призывников и врачей проверка казалась простой формальностью и обошлась без приколов.

В заключение неутомимый Кондрат выдал каждому рекруту повестку на контрольную явку: «Где объявят номер призывной команды и час отправления в армию!»

ЗДРАВСТВУЙ, АРМИЯ!

Каждому человеку в жизни предопределены перемены с полной перетряской привычной обстановки. Изменения неотвратимы: после окончания школы, женитьбы или замужества, в связи со сменой работы и постоянного места жительства. Неизвестность будущего пугает и манит одновременно. Но ни с чем не сравнимо расставание со свободой пацанов, достигших призывного возраста. Впереди два года, кому и три, вдали от дома и любимых людей. Служба с ненормированным рабочим днём ломает жизненный уклад, зачастую и характер человека.

Призывники, «уставшие» от гражданской жизни, пресытившись томительным ожиданием неизвестности, стремятся поскорее покончить с прошлым. Одни напиваются до потери пульса, как это сделал Кирюха. Двадцатидвухлетний рекрут споил на своих проводах весь двор. Другие оценивают прошедшие годы жизни и строят планы на будущее, как Лёха Тальянкин. Иные попросту поддаются течению, подобно Дюдюсю. Не смотря на разные взгляды на жизнь и службу, эти трое призывников оказались в одной команде. Они встретились в четыре утра возле военкомата, наскоро попрощались с родителями и, подчиняясь строгому приказу, зашли за огромные железные ворота. Массивные двери со скрежетом закрылись, отгородив сыновей от родителей на два долгих года.

Призывников рассадили на лавочки в узком тёмном коридоре. Через четыре часа, точно по-военному начался рабочий день. Прибыл военком и незабвенный прапорщик Кондрат. Спустя пять минут ребят усадили в крытый грузовик и увезли за город.

Призывников высадили на территории сборного пункта, огороженного от мира трёхметровым зелёным забором с гирляндой ржавой колючей проволоки. На участке размерами с футбольное поле были разбросаны сосновые брёвна. Разношёрстная команда в негодном тряпье не опасалась испачкаться. Ребята расселись на свежие брёвна, плачущие смолой под солнцем.

Вскоре заехал похожий грузовик.

– Деревенских привезли, – поделился соображениями Кирюха, держась за голову. Явно перебрал вчера.

Из маленького крытого кузова выпрыгнуло около тридцати человек. Как они там разместились: навсегда останется загадкой для гражданских лиц.

Кирюха привстал и помахал какому-то типу в вельветовой кепочке. Тот быстро приблизился, обнялся с Кирюхой и протянул руку Лёхе.

– Муха!

Тальянкин назвал себя. Вскоре выяснилось, что Муха бывший одноклассник Кирюхи. В ряды СА он не попал до сих пор благодаря «командировочке» за кражи и разбои.

Оглядевшись, Муха проникся ситуацией: сторожевая вышка в единственном числе, солдаты у ворот без оружия, караулка и двухэтажная комендатура на противоположном конце площадки. Бойцы лениво позёвывают, молча поглядывая на молодых новобранцев – разговоры на посту запрещены. Собак вовсе нет.

– Чё, Киря, кумпол бо-бо? – спросил Муха.

– Есть малость.

– Давай-ка пивка организуем! Ты как, Лёха?

– Положительно. Но, как?

– Бабки есть? – спросил Муха. Посмотрев на страдальческое лицо товарища, он безнадежно махнул рукой. – А что это за фраер в шляпе фильдеперсовой?

– Кончай, Муха, – сказал Кирюха без энтузиазма.

– Киря, родной! Никогда не впрягайся за лохов! Как другу тебе говорю, через пару дней ты лично будешь плевать ему в рожу. Клянусь, его сразу опустят!

– Эй, паренёк, подь сюды! – Муха хлопнул себя по колену.

Дюдюсь втянул голову в плечи и подошёл ближе.

– Куришь?

– Нет. Это вредно для здоровья.

– А я вот, хочу продать тебе сигарету!

– А зачем?

– Да тебе чё, на моё здоровье наплевать?! – Муха потряс кулаком в воздухе.

– Нет, совсем нет, – залебезил Дюдюсь

– Тогда, купи!

– За сколько? – Дюдюсь с готовностью полез в карман.

– А сколько имеешь!

– Я всего отдать не могу, – решил объяснить Дюдюсь.

– Убью, душу выну! – Муха вскочил и хватанул Дюдюся за шиворот. Для пущей важности он поворачивал глазами и саданул по уху долговязому.

– Забирай-забирай, – Дюдюсь вывернул карманы.

– Нормалёк! Как раз на ящик крутанёмся, мужики! – кивнул Муха новым товарищам. – А теперь, слушай сюда, – обратился он к Дюдюсю: – у тебя рожа интеллигентная, пойдёшь в комендатуру, вызови сюда фершала! Скажи, мол, пацану плохо, умирает, понял?

– А какому пацану? – захлопал длинными ресницами Дюдюсь.

– Поменьше базарь! Пацану, мне значит! Понял?

Дюдюсь неохотно зашагал к комендатуре.

– Пулей! – прикрикнул Муха, потопав по земле. Дюдюсь двинулся рысцой.

Через пять минут появился толстозадый сержант с золочёной змейкой в красных петлицах.

– У кого тут понос? – скривил он брезгливые губы.

– Слышь, земляк, совсем плохо мне, зови доктора, – простонал Муха, катаясь на спине в новёхоньком спортивном костюме.

Обрюзглое лицо фельдшера позеленело от страха. Он встал на колени, склонился над животом больного.

В следующий момент сержант целовал землю, прижатый сильной рукой «умирающего».

– Лежи, не шелохнись, падла! – прошипел Муха. – Сразу кончу!

– Да ты что, козёл! – взревел сержант и тут же замолк, ощутив на шее давление холодного лезвия.

– Из какой части?

– Какая разница?

– Вопросы задаю я! – Муха прижал нож сильнее.

– Из шестнадцатой, дробь 678.

– Местная, – со знанием дела сказал Муха. – Сколь служить осталось?

– Полгода.

– Оба-на! Дедок к нам пожаловал! Помоложе нет никого?

– Они в наряде.

– Короче, слушай внимательно! Знаю, хочешь домой к маме. Дарю тебе шанс! Сейчас берёшь бабки, сам встаёшь в наряд, а молодые принесут сюда ящик пива. Вздумаешь дуру гнать, живым домой не уедешь. Усёк?

– Понял, – сказал сержант, чтобы отвязаться. Сейчас главное, из-под ножа высвободиться, а потом уж... Видно будет, что потом он сделает с борзым душарой.

– Для начала зайди в комендатуру и позвони по телефону, – Муха назвал номер. – Скажи, привет от Мухи! Сразу сообразишь, что я не шучу!

Фельдшер поднялся на ноги, отряхнулся и важно зашагал к двухэтажной будке комендатуры.

Через четверть часа троица новобранцев, потягивая пиво, прогнозировала будущую службу. Первым высказался Муха.

– У нас были из «армейки», на воровстве влетели, кое-что рассказывали. Дак я, во чего, скорее на очередную ходку пойду, чем туда. В армии порядка поменьше. Пока там образуеться, авторитет подымешь, уж и на гражданку пора! Короче, не для меня вся эта музыка.

– А мы уж оттащим как-нибудь, – по праву старшего, за обоих сказал Кирюха.

Лёха молча кивнул. В зону с порядками Мухи ему не хотелось, об армейских порядках Лёха ещё не догадывался.

К полудню выдали сухпай: по две банки тушёнки и рисовой каши. Каждый, имея котомку из дому, с отвращением отложил перемазанные солидолом банки.

Дюдюся поспешно вскрыл консервы и начал с аппетитом уплетать свиной жир с крохотными кусочками мяса.

– Парень, кажись, голодал суток трое! – сказал Лёха.

– В натуре, не успел до шконки дотопать, а уже опускаться начал. Дак, поможем папану!

Лёха с Кирюхой промолчали, так как из сказанного мало чего поняли. Муха подошёл к Дюдюся.

– Кушать захотелось? – участливо спросил он.

– Я с детства люблю тушёнку в банках без предварительной тепловой обработки, – поделился доверчивый Дюдюся.

– А сейчас ты, «без предварительной тепловой обработки», нажрёшься её на два года вперёд! – с этими словами Муха взял ещё три банки. – Открывай!

Дюдюся откупорил банки.

– А теперь, жри! Только быстро!

Дюдюся торопливо большими кусками проглатывал жир с одиночными волосками мяса. При этом он опасливо поглядывал на мучителя. При росте под два метра, его желудок всё же не сумел вместить всё. Осталась половина банки, не считая жира на доньшках в пустых.

– Наедайся, наедайся. Там не дадут, – наставительно выговаривал Муха, опустошая остатки подтаявшего жира на голову Дюдюся. Жир плавно стекал с гладкой макушки за шиворот.

– Строиться! – раздалась зычная команда Кондрата, прерывая изошрённую трапезу.

Новобранцы встали в одну шеренгу, растянувшуюся от комендатуры до самых ворот. Перед каждым стоял казённый сухпай, позади лежала аппетитная домашняя авоська.

– Все вы направляетесь в учебку! Там из вас выжмут все соки, включая желудочный! – орал Кондрат, довольный собственным остроумием. Увидев Дюдюся с остатками тушёнки на голове, прапорщик улыбнулся: – Для этого, похоже, служба уже началась!

– А теперь, шагом марш к автобусу!

– Почему к автобусу, а не к грузовикам? – не понял Лёха.

– По городу повезут, суки! – пояснил Муха.

Автобус довёз рекрутов до аэропорта.

Двухэтажный аэробус Ил-62 доставил призывную команду под номером 412 в Краснознамённый Дальневосточный военный округ.

Новобранцев выстроили на деревянном некрашеном полу казармы. Здесь им предстояло провести ночь. По приказу капитана сухопутных войск ребята с энтузиазмом покидали в носилки скоропортящиеся продукты: жареных цыплят, варёные яйца, отбивные котлетки, пирожки с мясом и прочую снедь, съедобную как минимум сутки.

– Сдать ножи как холодное оружие! – последовала команда.

Никто не смел прекословить. В носилки полетели перочинные ножи и складешки разных конструкций. Муха своё пёрышко оставил. Оно позволило троиче безбедно существо-

вать последующие полтора суток. По принципу: «Открываем три ваших банки, одна нам. И по выбору – без жира!»

Поутру обещали распределить всех по разным частям. С непривычки спать на голом полу было неудобно.

– Зато там дедов не будет!

– Один призыв!

– Служба по Уставу, благодать! – шептались призывники в темноте.

Следующий день их промурыжили какой-то расширенной проверкой. И только следующим утром явились «покупатели». Наконец закончились бессмысленные перемещения: всех троих определили в танковую учебку. Туда же направили Дюдюся.

В учебной части новобранцев разместили до утра в клубе, предварительно осмотрев с пристрастием. Муха лишился великолепно отделанного ножа с откидывающимся кнопочкой лезвием.

На жёстких стульях в собачьем холоде сидели без пяти минут солдаты, ожидая рассвета. Около двух часов ночи в полумраке появился солдат в потёртой форме. Он неспешно начал обход по рядам. Забирая неоткрытые банки сухая и хлеб, солдат убеждал ребят отдать гражданскую одежду поприличнее.

– Всё равно ваше тряпье сгорит в кочегарке!

Консервные банки и одежду ребята отдавали с удовольствием, слушая советы бывалого. Солдат только успевал менять наволочки, в которые собирал трофеи.

Дошла очередь до Мухи. А он был совсем не в настроении и постоянно ворчал, что в карцере бывает лучше.

– Слышь, земля, какой размер кроссовок?

– Сорок два. И чё?

– Снимай и клади в наволочку, взамен получишь тапочки. До бани дотопаешь, а там сапоги получишь.

– Ху-ху не ха-ха?

Сборщик податей утомился возиться с тупорылыми духами, а такого ответа не ожидал вовсе.

– Снимай!

Муха не спеша, снял кроссовки. После чего стянул носки, положил их на обувь, а поверх опустил ноги. В тусклом свете солдат прочёл на пальцах Мухиных ног татуировку «они устали».

– Ах ты, падла! Ещё сапогов не надевал, а они уже устали?! – проорал он, кинувшись с кулаками на Муху.

Схватив неожиданный прямой в челюсть, он присел на мгновение, а затем вновь бросился в драку. На это раз досталось и Мухе. Сильнейшим ударом в лоб соперник сбил его на пол и начал пинать тяжёлыми солдатскими сапогами. Кирюха с Лёхой оцепенели от неожиданности. Они оставались на месте, пригвождённые к стульям.

Муха изловчился, пробравшись под сиденья, он подобрал тяжёлую металлическую ножку сломанного стула. Подскочив на ноги, Муха профессионально, с одного удара раскроил череп нападавшего.

Тут же заскочили солдаты караула, вооружённые автоматами. Они подхватили неудачливого товарища и, тыча стволами в спину, увели Муху. Больше его Лёха никогда не видел. По слухам Муха получил год или полтора. Его обидчик остался жив – его комиссовали как героя с черепно-мозговой травмой.

С рассветом появился громадных размеров старшина. Он построил новобранцев и объявил распорядок.

– Баня. Выдача обмундирования. Строевая подготовка. Обед. Вы все поступаете в расположение второй роты!

Так разношёрстная толпа стала второй ротой учебного танкового полка. Выйдя из сумрачного зала, Лёха с Кирюхой обменялись дружескими улыбками.

Здравствуй, новая жизнь!

Здравствуй, армия!

Из раскрытого настежь окна, с третьего этажа ближайшей казармы кто-то выкрикнул грозным голосом:

– Духи! Вешайтесь!!!

ГОРДОСТЬ И ОПОРА УЧЕБКИ

Известно и общепринято со времён Древнего мира: двух одинаковых людей не бывает. Развивалось общество, вместе с ним росла и крепла наука человеческих взаимоотношений, психология. Выяснилось, что людей сходных по характеру и темпераменту довольно много. Сложные сочетания разных качеств составляют личность человека, а его поведение зависит от окружения. Истинное лицо проявляется только когда отброшены прочь социальные личины и маски. В состоянии хронического стресса находятся люди, изолированные от привычного общества. Здесь человек – существо биологическое. Образованные люди это понимают, остальные подчиняются законам дикой природы, не задумываясь. И те, и другие вынуждены вести борьбу за лучшие условия выживания.

В подразделениях учебных частей регулярной армии нет дедов, фазанов и гусей. Порядок и дисциплина лежат на плечах сержантов, вчерашних пацанов. Служба сержанта – сущий ад. Это при 4—5 часах сна в сутки огромная ответственность за новобранцев – сброд со всей страны Советской, плюс ежеминутная готовность к отчёту офицерам. Подчас выполнение приказа невозможно, но на то и сержанты, чтобы справляться с боевыми задачами любой сложности.

Когда ротный уходит из казармы, добродушно желая курсантам спокойной ночи, замкомвзводам и командирам отделений остаётся лишь выполнить его приказ:

– Чтобы к утру, казарма и прилегающая территория блестела! Приезжаю к подъёму, курсанты спят! Но смотрю и удивляюсь – какой порядок, чистота и опрятность!

И бедный сержант в половине одиннадцатого, как положено по уставу, отдаёт команду: «Отбой!»

А в одиннадцать, согласно тому же Уставу, звучит «Подъём!»

Ничего не соображающие спросонья, курсанты вскакивают. Стараясь одеться, в положенные сорок пять секунд, не успевают. Опять отбиваются и вновь поднимаются. Сержант обязан растормошить солдат и настроить их на рабочий лад.

Или взять бесконечные наряды: в карауле, по столовой, дежурным по роте – для сержанта без права сна! Как тут не оторваться на курсах?!

Кроме офицеров, именуемых в учебке шакалами, есть более реальная угроза здоровью – БУБТ. Батальон управления боевой техникой, постоянный состав учебного полка, каждый военнослужащий которого прошёл эту же учебку. Любой старослужащий бубтянин считает своим прямым долгом и священной обязанностью следить за правилом для молодого сержанта – «чтоб служба мёдом не казалась!»

Риск увеличивается в десятки раз, каждый шаг сержанта становится смертельно опасным во времена «деревянного дембеля». Озверевшие курсы по окончании учебки стремятся расправиться с мучителями. Что с того, что дембель деревянный, как и ремень курсанта? Многие стараются оставить памятку сержанту на оставшуюся жизнь.

И откуда только берётся сила и стойкость при такой собачьей жизни?

У каждого сержанта было право выбора. Страшные рассказы о сержантах, «стоящих на очке» в войсках, удержали особо отличившихся курсов в учебной части. Большинство из будущих младших командиров с особым рвением добивались расположения у шакалов, чтобы остаться в учебке. Выделяясь расторопностью, исполнительностью и безудержной жестокостью вчерашние курсы становились ефрейторами. Дальнейшая карьера не обсуждалась: за каждые полгода службы – по одной сопле на погоны. Все тяготы сержантской службы сторицей окупаются ощущением беспредельной власти над подчинёнными.

Встречались среди них и люди – «в семье не без урода». Они, не справившись с одним из абсурднейших приказов, отправлялись дослуживать в регулярную часть. Их-то и ожидала

сквернейшая участь, так как в войсках около четверти бывших курсов, испытанных на собственной шкуре доброе наставничество сержанта.

Кто же они, доблестные младшие командиры седьмой роты учебного танкового полка?

Замкомвзвода, старший сержант, то есть уже дед. Его фамилия Шершневу. Шершень миновал все тяжести службы: перед шакалами своё выслужил, муштра курсантов ему приелась. В БУБТе у Шершня деда его призыва. Ему осталось следить за борзыми гусями, не позволяя младшим сержантам расслабляться. Гусей пятеро, он один. По правилам простой арифметики, в своё время Шершень был один на пятерых дедов. Хлебнул горя в своё время. Зато теперь каждый из гусей напоминал ему ушедшего дембеля, и Шершень отрывался на нём на полную! И только старшина в звании младшего сержанта, Быдусь, временами позволял хлопнуть по плечу Шершня.

Быдусь, ростом около 160 см, приземистый и широкоскулый, необычайно энергичный, с хорошо поставленным голосом и ударом, – умел управляться с ротой и вносил яркое разнообразие в рутинную повседневную службу.

Командир отделения третьего взвода Бадырхан, проще Боря. Младший сержант с мягким азиатским акцентом принципиально не поддерживал земляков, коих в роте было три четверти. Остальные: казахи и татары, литовцы, ханты и комьяки, грузины и армяне – считались русскими.

Младший сержант Генрих Вурдт, командующий четвёртым взводом. В своё время он не попал в Высшую школу милиции, поэтому славился особой «добротой» к курсам с высшим образованием. За все промахи взвода отвечал лунолицый Баязитов, будущий инженер-мелиоратор Узбекистана. Вурдт не мог простить ему ничего. Мало того, что Баязитову служить всего полтора года, так он ещё мастер непревзойдённого отсутствия связной русской речи! Не было не единого дня, чтобы Вурдт не напомнил ему о высшем образовании ударами пудовых кулаков по фанере.

Младший сержант Коршунов с бабским телосложением, командуя, он отчаянно визжал, ощущая спиною дружественный взгляд старшины.

– Строиться, первый взвод!

Курсы, глядя на устрашающую мину Быдуся, особой спешки не проявляли. Со второй-третьей попытки взвод всё же собирался в нечто похожее на строй. После чего сержант Коршунов возвращался из каптёрки с очередным фингалом.

Остальные младшие командиры ничем особым не выделялись. Но, не смотря на различный срок службы, сержантский состав всегда и при любых обстоятельствах выглядел подтянутым: белоснежные подворотнички, безукоризненно отглаженные и ушитые хэбушки с твёрдыми пластмассовыми вставками в погонах, слегка потёртые кожаные ремни с блистающими бляхами, начищенные до блеска отглаженные кирзовые сапоги с отточенным кантом, – чем не бравы ребяташки!

К тому же, каждый из сержантов произвёл три предприимчивых выстрела из боевого автомата Калашникова! Будучи курсом, он досконально изучил трансмиссию танка с ветошью в перепачканных руках. Было время, держался за рычаги и выглядывал в перископ. Младший командир умеет организовать работу любой срочности независимо от времени суток. Он в совершенстве владеет искусством строевой подготовки, не отставая в политической – разбуженный посреди ночи запросто найдёт на карте США и Китай, при необходимой сноровке и везении отыщет и ФРГ!

Итак, ухоженная территория, свободные казармы, новое с иголочки обмундирование плюс сама гордость и опора учебки – сержантский состав, замерли в ожидании новобранцев.

ХЭБЭ

Никто и ничто так не скажет об армии, как форменное обмундирование. На род войск укажут эмблемы в петлицах. Как и в гражданской жизни предусмотрено отличие повседневной одежды от парадной.

В парадке положено появляться не только во время парадов и праздников, но в любой день за пределами воинской части. В парадных кителях разгуливают в увольнительных. Немногие счастливики трясутся в поездах, мчащих их в отпуска, возвращаются в разные концы страны дембеля со значками на всю грудь.

В будние фуражку заменяет пилотка, а чёрные лакированные ботинки – кирзовые сапоги. Вместо гимнастёрки с кителем положена бесформенная куртка-полупиджак, хэбэ. Так же называются штаны: галифе до колен и трико до пят. Если форма светло-защитного цвета. Есть ещё стекляшка – того же самого пошива, но грязно-зелёной или мышинно-коричневой окраски. Она похожа либо на болотную тину, либо на освещённую солнцем придорожную пыль.

Армейская форма удобна и практична. В отличие от гражданских туалетов, она не предусматривает смены рубашек и носков. Для того чтобы хэбушка не висела мешком, солдату положен популярный в мальчишеской среде широкий ремень с большой металлической бляхой, на которой выбита пятиконечная звезда с серпом и молотом. Ремень бывает кожаным и «деревянным» – из плотного кожзаменителя, названный так за исключительную хрупкость. Пропитавшись солдатским потом, он расползается послойно, совсем как фанерка. Если деревянный ремень сложить вдвое и топнуть по нему – он уже ни на что не годен. Считается, что согласно Уставу вооружённых сил СССР, ремень следует затягивать по окружности головы: от подбородка до затылка. Получается, каждый солдат обязан стягивать живот до размеров черепа. Особая привилегия яйцеголовых!

Курсантам бесчисленных учебных частей положено неукоснительно соблюдать Устав. Им не полагается ушивать хэбушку и парадную форму. Пилотку следует носить только в сложенном виде: «Сними хлюзду – одень пилотку!» Её нужно держать на голове скошенной к правому надбровью, с уклоном книзу на два поперечных пальца от бровной дуги. Хэбушка или стекляшка должна быть застёгнутой на крючок, расположенный на концах ворота выше верхней пуговицы – при разной погоде и в любых обстоятельствах.

С премудростями ношения обмундирования ознакомил новобранцев сержант Шутько – замкомвзвода второй роты стрелков-наводчиков. Переминаясь с ноги на ногу, молодые старались вникать в наставления товарища по службе.

Затем прибыл ротный. Молодой задористый капитан взял слово.

– Перво-наперво, Устав! – чеканно сказал он. – Запомните одну вещь!

Разношерстный неоформленный строй обратился в слух.

– Вот, перед вами стоит сержант, – офицер кивнул в сторону вытянувшегося в струнку Шутько, – личность неприкосновенная! Его приказы вам, бедолагам, нужно выполнять беспрекословно. Скажет сержант: «Ложись!» – сразу падай, где стоишь! В грязь, в битое стекло, в дерьмо собачье! За неподчинение сержанту будете строго наказаны. А самые шустрые, кто не разучился махать кулаками, будут писать письма маме уже не из воинской части, а с лесоповала! Будут рвать по ночам на жопе волосы, приговаривая: «За что боролся?!»

Лёха весело переглянулся с Кирюхой. Смысл слов ротного мгновенно дошёл до строя, но ни в одну бритую голову не пришла мысль о дурацких приказах сержанта. Шутько стоял и широко улыбался.

– Шагом марш в баню! – скомандовал капитан.

– Вещи сюда! – показал сержант на жестяные носилки.

– Деньги, документы, а так же драгоценности сдать лично мне! – распорядился ротный.

Рядовой Тальянкин сдал военный билет с двумя вложенными в него червонцами. Драгоценностей не пришлось сдавать никому.

– Пошли-пошли первыми, скорее выйдем одежду выбирать! – заторопил Лёху Кирюха, стреляный воробей.

Через несколько секунд друзья оказались в моечном зале. Он ничем не отличался от гражданского. Те же каменные скамейки, цинковые тазики, латунные вентиля. На каждой лавке лежало по четыре обрубка хоз. мыла: один кусок, умело расчленённый на равные части.

Лёха открыл один кран, затем другой. К его удивлению, разницы в температуре воды не почувствовал.

– Ты думал, здесь горячая бывает? Привыкай к тяготам и невзгодам! – сказал Кирюха.

Наполнив тазики, пацаны стояли в нерешительности. Мыться таким «кипятком» никому не хотелось. Зал набился до отказа. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Кирюха зачерпнул ладонями воду и обрызгал грудь, затем голову. Лёха последовал его примеру.

– Давай ближе к выходу, – прошипел Кирюха, – успеем шмотьё получше ухватить.

Многие хотели того же, но мало кто желал плескаться в солдатской бане.

На выходе стоял сержант. Он придирчиво осмотрел друзей.

– С мылом мылись?

– Так точно! – по Уставу ответил Кирюха.

– Товарищ сержант! – добавил Шутько.

Кирюха тотчас поправился.

– Садитесь на скамейки! – приказал сержант. – Хэбушки ещё не принесли, берите трусы и майки!

Куча нижнего белья на полу не отличалась расцветкой: майки светло-серые, трусы синие. Зато, какое разнообразие форм и размеров! Были майки на борца сумо, в которую можно зачехлить холодильник, и на тщедушного доходягу длиною до самых пят. Друзья выбрали более-менее подходящие майки: без дыр и относительно чистые – не с самого пола.

Увидев, что пара бойцов уже вышла в предбанник, толпа ринулась из моечного зала. В момент схватили нижнее бельё.

– Отставить! Смирно! Положить бельё на место! – проорал сержант. Больше Шутько не улыбался. Он потрогал спины вырвавшихся из бани, оставил троих. Остальным пришлось развернуться по причине абсолютной сухости кожи.

– С обмана службу начинаем, нехорошо! – посетовал капитан. Он сидел в стороне на единственном стуле, закинув ногу на ногу.

Банщики принесли обмундирование: свежие, пахнущие краской хэбушки. Лёха потянулся к форме.

– Отставить, – зевнул капитан. – Товарищ сержант, распорядитесь!

– В мойку шагом марш!

Салаги сгрудились у выхода. Сержант быстро отогнал их к центру зала. Шутько схватил первый попавшийся тазик полный ледяной водицы и с размаха окатил нерешительную толпу. С криками и визгами курсы рассыпались по залу. Сержант окатил из тазика каждый угол, а потом разрешил выходить по одному.

Офицер разрешил разбирать обмундирование. Сидевший ближе Кирюха ухватил наугад шесть комплектов. Лёха успел взять только два, 52 и 46 размера. Оба ему не подходили.

– Бери, – Кирюха подал ему комплект со штампом: «48» рост «2». – То, что надо. У меня такой уже есть.

– А может, эту потемнее взять? – Лёхе понравилась стекляшка.

– Не видишь, таких меньше? В глаза бросаться будем, – деловито отшил Кирюха, бросая на скамью оставшиеся комплекты.

Надевая форму, Лёха забыл про пилютку. Он не расстроился, 59 размер неходовой. В самом деле, на столе лежало ещё четыре пилютки. Одна 58-го размера, подошла впору.

Осталось подобрать сапоги, благо портянки все одинаково землистого цвета.

– Важно взять на размер побольше, – советовали отслужившие пацаны со двора, – не то ноги с непривычки собьёшь.

Лёха уцепил пару сорокового размера. В суете, он не заметил, что сидит на схваченном второпях комплекте обмундирования, размера 52, роста первого. Об этом напомнил удручённый Дюдюсь. Ссутулившийся и согбенный в три погибели, он не стал нисколько ниже. Длинные руки, опущенные почти до сапог, разорванные на заднице трусы, майка до пупа, да крохотная пилотка. Другой одежды курсант не имел. Опасливо озираясь, он искал большими влажными глазами хэбушку.

– Тебе только галстука не хватает! Иди сюда, земляк! – позвал его Лёха. – У меня тут есть кое-что. Если не понравится, ты не обессудь, другого не имею!

– Спасибо огромное! – сердечно поблагодарил Дюдюсь и поспешил одеться. Лямки на штанах пришлось распустить – в сапогах не видно. С хэбушкой было сложнее: рукава еле застегнулись на предплечьях, а плечи свисали до предполагаемых бицепсов. Но запахнуть можно аж полтора раза! К счастью, полы хэбушки позволяли застегнуть на ней ремень. Эти мелочи, включая смех сослуживцев, не могли омрачить радость Дюдюся. Он, глупо улыбаясь, присел рядом со своим благодетелем.

– Пошёл отсюда, козёл! И поживее! – рявкнул на него Кирюха.

Понурившись, Дюдюсь отошёл в уголок.

– Зачем ты его прогнал? – не понял Лёха.

– Пускай даже близко не показывается. Известно, с кем поведёшься, от того и наберёшься!

– Это как?

– Молча! Нас такими же посчитают. Помнишь тушёнку?

– Так ведь, Мухи нет.

– Есть только осы да шмели! Распускаться нельзя, – продолжил поучения Кирюха. – Не успеешь оглянуться, как растопчут!

Ничего не поняв, Лёха тактично промолчал.

Деньги и документы вернули каждому без путаницы. Память у ротного оказалась отменной.

– Строиться на улице!

– Шагом марш в казарму!

В первом подъезде кирпичного четырёхэтажного здания располагалась вторая рота, соответственно, на втором этаже. В казарме окна однообразные и нет никаких балконов с прочими прибамбасами, характерными для гражданских строений.

После команды, разрешающей войти в расположение, Кирюха с Лёхой кинулись на лестницу первыми. «Места зашибать!» На втором этаже была широкая двустворчатая дверь. Лёха одним из первых, вслед за капитаном, заскочил внутрь. Прямо у входа стояла большая тумба с золочёным гербом СССР. На низком постаменте стоял младший сержант со штык-ножом, прицепленным к кожаному ремню. Увидев ротного, дневальный лихо отдал честь и проорал в пустой казарме:

– Смирно!

Пройдя по некрашеному деревянному полу, пахнувшему мастикой, новобранцы оказались на ЦП – центральном проходе. Он продолжался до самой стены с огромной картой СССР. По обе стороны ЦП потолок подпирали квадратные цементные колонны. За ними в четырёх прямоугольных площадях находились друхярусные солдатские кровати. Голые пружины холодно отливались в свете дня.

Курсантов рассадили на расставленные рядами по ЦП армейским табуретам, выкрашенным в защитный цвет. В крышке каждого выпилена щель в виде полумесяца.

Сержант вынес из каптёрки и раздал каждому бойцу по швейной игле. К ней прилагались погоны, петлицы и полоски белой ткани – подворотнички. На всех два огромных мотка ниток, чёрных и белых.

Курсанты прикрепили к петлицам эмблемы, золотистые танки с задранными кверху орудиями. Как и погоны с жёлтыми буквами С А, их следовало пришить к обмундированию. О назначении подворотничков мало кто догадывался. Шутько наглядно пояснил.

– Смотрите, – он взялся за свой ворот, отвернул белоснежную с палец толщиной, подшивку к воротничку. – Это сержантская подшива. А это ваш курсантский подворотничок! – сержант потянул двумя пальцами белую тряпичную полосу.

– Подшиваться каждый день, и белыми нитками!

Шутько сидел и ждал. Затем сходил в каптёрку и вынес оттуда банку с хлоркой и крышку мыльницы до половины заполненную водой.

– Зашились? – спросил сержант. Не дожидаясь ответа, продолжил: – Теперь будем клеймиться. Клеймо – это прямоугольник: шесть на два сантиметра, продольно разделённый на две части. В верхней пишется фамилия полностью, в нижней трети – номер военного билета.

– А зачем? – спросил рыжий боец, сидевший с краю рядом с Лёхой.

– А затем! Если тебя в бою разорвёт на части, на кусках хэбушки, штанов, пилютки, ремня или сапог останется клеймо. И командир будет знать, кто ты был и сообщит маме твоей, – сказал капитан без прежнего энтузиазма. Он устал торчать в казарме и хотел есть.

– Товарищ сержант! После обеда всех на политзанятия! – распорядился ротный и ушёл.

С помощью спичек на изнаночной стороне одежды, курсанты написали нужные данные. Хлорка на глазах оставляла выжженные неровные линии.

– Закончили. Теперь клеймить парадку!

– А её-то зачем? – недоумевал рыжий.

– Я уже объяснял тебе, – сквозь зубы процедил Шутько.

– А чё, в бой в парадной форме ходить что ли? Зачем клеймить-то?

– Смотри, зачем! – сержант обернул китель вокруг кулака.

Рыжий наклонился, но ничего не увидел. Удивиться он не успел. Сокрушающий удар в челюсть свалил непонятливого духа вместе с табуреткой.

– Тупорылый, падла! – сообщил сержант притихшим курсам. – Ещё служить не начал, а уже Устав нарушает!

Лёха удивлённо посмотрел на Кирюху, тот выразительно кивнул.

Служба по Уставу началась!

«ХОРОШ В СТРОЮ – СИЛЁН В БОЮ!»

Учебные части готовят из курсантов солдат, способных к боевым действиям. Кто понимает это, никогда не спросит:

– Зачем нужна строевая подготовка?

В каждой воинской части есть открытая асфальтированная площадка, квадратура которой пропорциональна количеству солдат. В танковой учебке, куда попал Лёха Тальянкин, размеры площадки позволяли заниматься строевой подготовкой половине полка одновременно. Это плац, в переводе на немецкий.

Армия Пруссии давным-давно доказала: первойшей дисциплиной является муштра! Ничто так не развивает чувства единения толпы, как строй с одинаковым ходом.

– Лево́й!

– Лево́й! Раз, раз! Раз, два, три!

Растворение личности в общей массе придаёт походная песня, заученная до мозолей на языке.

Всё это в большей мере известно осеннему призыву. Летом в самую страду, строевой подготовке не уделяется достаточного внимания. И всё же, Лёхе повезло. Пока полк полностью не укомплектовался личным составом, новобранцы потоптали плац в своё удовольствие. Тальянкину поначалу нравилось лихо разворачиваться, щёлкая каблуками кирзачей и печатать шаг по команде:

– Строевы-ым, марш!

Строевая подготовка началась с утреннего марша к полигону. Курсантов нужно было ознакомить с местом обучения воинской специальности. После завтрака рота бодро зашагала по каменистой пыльной дороге, вдребезги расколотенной гусеницами танков. Командовал сам ротный. Хмурый, невыспавшийся или неспроспавшийся. Приподнятое настроение, казалось, навсегда покинуло его.

– Лево́й! Лево́й! – отрывисто и жёстко командовал капитан.

Дорога пошла в горку. Курсанты начали отставать от офицера, сбивая шаг.

– Строевым, марш! – грянула команда ротного.

Сразу выяснилось, что половина солдат давно «потеряла ногу» и плетётся вразброд – добросовестно, но совершенно нестройно втаптывая сапоги в дорожную пыль.

– На месте... – скомандовал капитан.

Солдаты облегчённо дважды топнули, но команды «стой!» не последовало. Многие замерли, некоторые продолжали маршировать. Строй стал похожим на муравьиную кучу, хаотически движущуюся на одном месте.

– Так дело не пойдёт, – нахмурился капитан. – Бегом, марш!

Офицер побежал рядом со строем, не переставая командовать.

– Лево́й! Лево́й!

И опять пошёл разнобой. Из-за разной длины ног солдат и далеко неодинакового служебного рвения, строй растянулся. О синхронности на бегу, не могло быть и речи. Но капитан решил добиться своего.

– Кругом! Бегом, марш! Лево́й! Лево́й!

Отмахали по четыре стометровки туда и обратно, но бежать в ногу почему-то не получалось. Лёха с Кирюхой держались вместе, благодаря одинаковому росту. Сквозь зубы они цедили самые «приятные слова» в адрес ротного. Но капитан ничего не слышал. Он самозабвенно носился, не переставая, одному ему известным способом, определять синхронность строя.

Наконец ротный притомился, присел на придорожный камень, закурил. Сержанту он приказал продолжать челночный марш-бросок.

Шутько запыхался, постоянно следя за ногами капитана. Сержант бежал в ногу. Пот крупными каплями скатывался с его чуба, белоснежный подворотничок превратился в грязно-серую тряпочку. Голос сержанта охрип, в лёгких не хватало воздуха. У него было больше всех причин проклинать ротного. Но нужно было достойно тащить службу.

Бойцы бежали, позабыв о времени.

– Левой! Левой! – медным звоном отдавалось в голове Лёхи. Спины бегущих впереди взмокли от пота. По бедру в такт стучала сумка с противогазом. Оставалось радоваться, что присяга ещё не принята и не пришлось тащить автоматы. Но и это оказалось слабым утешением.

Бег без перерыва на разворот измотал солдат. Казалось, нет ни голубого неба, ни ласкового утреннего солнышка, ни распускающихся молодых листьев на придорожных берёзках. Ни мира, ни земли – только изнурительное непрерывное движение, ноги впереди бегущего да хриплая команда Шутько.

Строй заметно замедлял темп. Сказалась усталость сержанта, не привыкшего к незапланированным перегрузкам. И ротный решил взбодрить курсантов.

– Газы! – раздалась команда его свежим голосом.

– Конец фильма, – прохрипел Лёха.

– Начало службы, – поправил его Кирюха.

Бойцам пришлось показать небывалую выдержку. Они «неслись» чуточку пуще быстрого шага. Пошатываясь, почти вслепую, глядя на землю сквозь запотевшие стёкла противогазов.

Лёха окончательно утерял чувство времени и пространства. Артерии в голове готовы были разорваться от стука, лёгкие с трудом удерживались в грудной клетке, непрерывно работало сердце, в ушах стоял тупой гул. Головной мозг продолжал мыслить. Я должен выдержать это испытание, должен! Бегут урюки и айзеры, хлюпки и дистрофики, бегу и я! Внезапно Лёха наступил на что-то упругое и поскользнулся. Он с трудом удержал равновесие и продолжил движение.

– Отставить, мать вашу! Разойдись! – дикий вопль капитана прервал «приятную пробежку» курсантов.

Подчиняясь команде, строй рассыпался в разные стороны. Солдаты в изнеможении повалились кто куда.

В месте, где только что споткнулся Лёха, распластавшись на животе, лежал Дюдюся в запылённой и мокрой насквозь хэбушке.

Командиры подбежали к нему, перевернули бойца на спину. Глаза солдата были сомкнуты, бледное лицо приобрело синюшно-землистый оттенок.

– Кажись, не дышит, товарищ капитан!

– Отставить панику, сержант! – озверел ротный. – Щупай пульс!

– А вы, бараны, снимите противогазы! – крикнул он курсам. – Отставить газы, говорю!

Присев на корточки, стараясь не испачкать отглаженную хэбушку, Шутько попеременно ощупывал тонкие запястья Дюдюся.

– Бегом в санчасть, товарищ сержант!

Шутько поднялся на ноги, захлопал глазами. Он что, тут самый молодой?

– Бегом, товарищ сержант! – повторил ротный и тихо добавил: – никто из курсов не знает, где санчасть. Побегать мне?

– Никак нет, то есть: «Есть»! – совсем запутался Шутько. Чтобы не напороть косяков, он развернулся, и ноги в руки до части!

Капитан вlepил пару пощёчин Дюдюся.

Глаза бойца на миг открылись.

– Строиться! – скомандовал капитан. – Рядовой Тальянкин, остаётесь с пострадавшим от вражеского налёта! – остроумие вернулось к ротному.

– Рота! Строевы-ым, марш!

До полигона оставалось немногим больше километра.

Лёха присел рядом с Дюдюсём, закурил. Кто-то должен был прервать эту безумную гонку, устало подумал он, сбрасывая сапоги.

Долго отдыхать не пришлось. Поднимая плотные столбы пыли, примчался армейский «уазик»...

– Травматический разрыв селезёнки, – сказал равнодушный майор медицинской службы. – Нужна операция.

– Живой-то останется? – поинтересовался Лёха.

– Передай капитану, вернём целёхонького, как девочку! – ухмыльнулся начмед.

Вот оно как! А Лёха-то подумал, служба для Дюдюся закончилась.

Но служба не собиралась заканчиваться, наоборот, тотчас напомнила о себе. За отсутствие на полигоне рядовому Тальянкину старшина вlepил пару нарядов вне очереди.

Никуда не исчезла и строевая подготовка. На обед и обратно рота шла строевым шагом, самозабвенно горланя песню.

– Броня крепка, и танки наши быстры!

Отбившись за сорок пять секунд с восьмой попытки, солдаты обменялись с командиром пожеланиями.

– Спокойной ночи, товарищи курсанты!

– Спокойной ночи, товарищ сержант!

– День прошёл!

– И х. й с ним!

И опять строевая подготовка!

– Напра-во!

А теперь весело и непонятно:

– Строевы-ым, марш!

И закачались двухъярусные кровати.

– Отставить! – улыбнулся Шутько. На сегодняшний день хватит, решил он. Сержанта ожидала ещё куча дел...

ЛЁХА ТАЛЪЯНКИН – ИЗМЕННИК РОДИНЫ

Никакому Государству нельзя оставлять военную мощь без контроля. Для того и существует Особый отдел.

Армия представляет собой сжатую модель общества, поэтому офицеров в Особом отделе немного. На огромный учебный полк их всего двое. Старший лейтенант Холодков и капитан Белоярский.

Для кадровых офицеров оба – штабные крысы. Особистам неведома служба в нарядах и ненормированный рабочий день.

На самом деле офицерам особого отдела отдыхать некогда. Они обязаны везде и всюду быть бдительными. На полигонах, у прокопченных полевых кухонь командно-штабных учений, в отдалённых и центральных гарнизонах, во время штабных совещаний и перекуров. Куда бы ни направила судьба военных контрразведчиков, им нужно держать ухо востро, включая супружескую постель. Только при таком подходе и служебном рвении возможен карьерный рост офицера Особого отдела.

Оба особиста, поразительно схожие внешне, мало чем отличались и по складу характера. Единственное различие в званиях налагало на них разную ответственность. Капитан Белоярский курировал ещё и соседнюю артиллеристскую часть, где часто пребывал по долгу службы.

Весна дошла до самого Дальнего востока. Тёплый майский ветерок ласково поглаживал верхушки декоративного зеленеющего кустарника, посаженного вокруг штаба полка. Отбросив секатор, Лёха присел на траву. Стрижка живой изгороди как боевая задача отнимала немало сил и терпения. За каких-нибудь четыре часа поднадоело продираться сквозь заросли, отсекая ветки, неписывающиеся в интерьер. Рядом с Лёхой уселся Кирюха. Чуть поодаль – ещё двое бойцов: Роман Ниятуллин и Вовчик Иванов.

Завершался первый месяц службы. И начало её не предвещало ничего хорошего в ближайшие пять месяцев до «деревянного дембеля». Солдаты, осознавшие понятие «учебка», все без исключения стремились в войска. Подальше от Устава, сержантов и бесконечных работ: без передышки, под одной командой, кнутом бьющей в уши: «Наскоряк! Наскоряк!» – которую время от времени подкрепляют сержантские тычки и пинки.

Сегодня они работали под началом офицера. Старший лейтенант не стал утруждать себя контролем. Поставив боевую задачу, он преспокойно укатил в гарнизон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.